

Т. Н. Раков, А. А. Фокин

«ВСЕ СЕГОДНЯ О ПРИРОДЕ ДУМАЮТ»: ПОИСКИ АГЕНТНОСТИ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПЛАКАТЕ*

doi: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-106-114

УДК 94(47)“19”:769.91

ББК 63.3(2)634+85

Статья анализирует позднесоветские плакаты природоохранной тематики и вписывает их в контекст экологической истории советского периода. Анализируя советские плакаты, можно выделить три группы: 1) изображающие природу как объект приложения усилий человека; 2) рассматривающие природу как объект, нуждающийся в защите от отдельных вредителей; 3) представляющие природу как ценность и субъект. Такое изменение происходило не само по себе, а было отражением эволюции восприятия экологии в советском обществе. Полагаем, что, рассматривая плакаты в динамике, мы можем говорить о том, что постепенно природа все более наделялась агентностью, максимально усилив это качество к моменту перестройки и распада Советского Союза. Авторы плакатов все больше давали выступать от лица окружающей среды ей самой. Связано это с причинами, лежащими вне данного медиума — с кризисом доверия к государственным институтам и в том числе научным, как зависимым от них. Развитие образа независимой природы в плакатах было, если следовать тезису Б. Латюра, свидетельством необходимости установления иных принципов «политики природы», хотя отражение этой необходимости (не осознаваемое таковым его авторами) началось со сферы «надстройки» и с области репрезентации. С ростом значения экологии, как внутри СССР, так и на международном уровне, необходимо было найти ответы на глобальные вопросы. Поэтому в рамках советской системы различные властные институции искали возможность выработать язык обсуждения вопросов экологии на базе марксистско-ленинских принципов.

Ключевые слова: *природа, антропоцен, СССР, плакат, медиа, экологическая политика*

Плакаты в действии

Предмет данной статьи — советский плакат, посвященный природоохранной тематике, — является сложным объектом, который авторы предлагают раскрыть, анализируя его с нескольких позиций. Прежде всего, природоохранную тематику стоит поместить в концептуальную рамку, не ограниченную только советской историей. Здесь отчасти применима концепция, изложенная Б. Латюром в его «По-

литиках природы». Фундаментальная проблема, которая стоит перед современным человечеством, на его взгляд, — это сохраняющееся разделение на общественное и природное и то, что от лица последнего в качестве экспертов выступают представители науки. Они присвоили себе право говорить от лица не-людей, в то время как задача состоит в том, чтобы создать единую ассамблею человеческого и нечеловеческого.¹ Если рассмотреть эту идею с исторического ракурса, то можно предположить, что постепенное нарастание субъектности природы в советских плакатах будет отражением осознания кризиса природоохранных мер. Советские законы, ведомства, руководство отдельных предприятий отстают перед натиском природного начала, которое само берет ответственность за себя.

По замечанию О. В. Хархордин, эпоха оттепели и последующие десятилетия стали временем новой коллективизации советской жизни: «Дискурс “расширения элементов коммунистического самоуправления” и “привлечения общественности для решения задач строительства коммунизма” давал возможность разным людям решить различные волнующие

Раков Тимофей Николаевич — к.и.н., доцент, Школа исследований окружающей среды и общества, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: t.n.rakov@utmn.ru

Фокин Александр Александрович — к.и.н., доцент, Школа исследований окружающей среды и общества, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: a.a.fokin@utmn.ru

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проекты № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956–1985)» (рук. А. А. Фокин) (разделы: Репрезентация «борьбы с отдельными недостатками» в природоохранных плакатах; Агентность природы в советском плакате) и № 20-68-46044 «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI вв.» (рук. Э. Бруно) (раздел: Плакаты в действии)

¹ См.: Латюр Б. Политики природы: как привить наукам демократию. М., 2018. С. 72–111.

их задачи в разных концах страны».² Нам кажется, что можно понимать расширение этого самоуправления и в плане пропаганды экологических идей: не только государство в лице карательных органов должно было наказывать нарушителей, но и каждый зритель и читатель плакатов обязан был сформировать в себе правильное отношение к природным богатствам страны и следить за тем, чтобы остальные придерживались схожих принципов.³ Можно даже предположить, что последующее перенесение действия на природу было порождено логикой усиления коллективной ответственности, просто в какой-то момент природные силы должны были восполнить недостаточность коллектива, состоящего только из людей.

Плакат, как и многие другие советские медиа средства, должен был стать точкой сборки и репрезентации воли коллективного советского субъекта, он является продуктом деятельности лишь его части — представителей медиасферы, в данном случае художников-иллюстраторов, авторов сатирических стихов. Как отмечает в своем исследовании советской журналистики Т. Вульф, вся ее система была «сконцентрирована на проблеме идентичности советских граждан», на том, что такое быть «социалистической личностью».⁴ Авторы плакатов показывали, что важной частью социалистической личности выступали ее внимание к природе, встревоженность экологическими проблемами и стремление к их активному разрешению. Такое своеобразное «озеленение» коммунизма имело место не только в сфере искусства и пропаганды, но и являлось одним из серьезных противоречий всей советской общественной системы.

Советская «политика природы» никогда не была нацелена на полное ее уничтожение или пресловутый «экоцид», но и полностью дружественной ее вряд ли стоит называть. Скорее, она колебалась между двумя крайними позициями — «прометеянской» и идеей «консервации» природных ресурсов. Эти две модели, как называет их Д. Винер, сосуществовали в советских дискуссиях и представлениях о природном.⁵ Во многом они и задавали конкретные

экономические и политические решения — как осваивать ресурсы и что сохранять. Причем «прометеянский» подход не всегда вел только к разрушению экосистем. В своей книге о сталинском плане преобразования природы С. Брейн показывает, что в рамках данного плана выше-названная логика привела к идее насаждения защитных лесополос огромной площади, предполагалось облесение гигантской территории. Правда, и неудача плана, с точки зрения Брейна, была вызвана той же логикой.⁶

Практика «коммунистического антропоцена» предполагала, что природные ресурсы нужно использовать максимально бережно и охранять их. Ценность чистой воды, воздуха, лесов и гор заключалась не только в них самих, но и в том, что они могли и должны были служить ресурсом для будущих поколений социалистических граждан. Их сохранение было делом не только плановых ведомств, но и общественности. Как правило, исследователи обращаются к двум наиболее влиятельным группам этой общественности — ученым и писателям. И первые, и вторые часто были инициаторами ключевых советских экологических дискуссий — о возможности постройки целлюлозно-бумажного комбината на Байкале,⁷ поворота сибирских рек и прочих советских проектах, внутри которых как раз «прометеянская» логика была главенствующей. Не всегда при этом противостоявшие «прометеизму» люди были носителями прогрессивных взглядов. Так, для писателей-«деревенщиков» многие проекты оказывались способом обратить внимание на урон, причиняемый прежде всего «русской природе».⁸ Ученые, как показывает Л. Кумель, выступали и лоббистами государственных преобразований, в частности, именно Академия наук СССР способствовала разработке и принятию «Закона об охране природы СССР». Но проект закона получился гораздо более умеренным, чем того хотели ученые — советское руководство не пошло на создание комитета, ответственного за охрану природы и подчинявшегося, скорее, Академии наук.⁹

² Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., 2016. С. 364.

³ О важности прессы в качестве рупора общественного надзора и правил см.: Хархордин О. В. Указ. соч. С. 366, 367.

⁴ Wolfe T. *Governing Soviet Journalism: The Press and the Socialist Person after Stalin*. Bloomington; Indianapolis, 2005. P. 2.

⁵ См.: Weiner D. *Models of nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia*. Pittsburg, 2000.

⁶ См.: Brain S. *Song of the forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh, 2011. P. 140–168.

⁷ См.: Breyfogle N. B. *At the Watershed: 1958 and the Beginnings of Lake Baikal Environmentalism // The Slavonic and East European Review*. 2015. Vol. 93, № 1. P. 147–180.

⁸ См.: Dronin N. M., Francis J. M. *Econationalism in Soviet literature // The Soviet and Post-Soviet Review*. 2018. Vol. 45, iss. 1. P. 51–72.

⁹ См.: Coumel L. *A Failed Environmental Turn? Khrushchev's Thaw and Nature Protection in Soviet Russia // The Soviet and Post-Soviet Review*. 2013. Vol. 40, iss. 2. P. 167–189.

Если ученые, как считает Б. Латур, стремятся присвоить себе право выступать от имени природы, то в СССР их право было успешно экспроприировано КПСС.

В то же время, как обращает внимание А. Мазаник, советская пресса не была простым каналом распространения государственной позиции касательно экологических вопросов. Даже «застойные» советские газеты много внимания уделяли природоохранным проблемам. Существовавшая в СССР цензура не позволяла прямо писать об экологических бедствиях, но, например, обсуждение вопроса потепления климата как об общечеловеческой проблеме формировала озабоченность этой темой и у советских читателей.¹⁰

Плакат, таким образом, выступал как важное медиа, распространявшее среди общест­венности Советского Союза представления о множестве аспектов советской реальности. Ш. Фицпатрик отмечала, что важную роль в сталинскую эпоху играли ритуалы «критики и самокритики»,¹¹ подобные которым мы можем обнаружить и в советских плакатах. Одной из таких тем, в которой необходимо было искоренять недостатки, были сложные взаимоотношения с окружающей средой и влияние на нее человека, то есть своего рода идея об антропоцене, но без использования данного термина. Медиа вносили свой вклад в формирование представления, которое можно назвать «воображаемый антропоцен». Компонент «воображения» предполагает, что реальные экологические проблемы получают также воплощение и в сфере репрезентации: вокруг них формируются и распространяются знания о природе и ее образы. Сфера «воображаемого антропоцена» охватывает не только медиа — она присутствует и в научных дискуссиях советской эпохи, и в политике государства, в том числе и в сфере природоохранного регулирования. В частности, Е. И. Гололобов указывает на то, что освоение севера Западной Сибири во многом укладывается в интерпретационную рамку антропоцена.¹² Но бывали в СССР и примеры более «экологичного» антропоцена, как показывают Р. Бугаев, М. Пискунов и Т. Ра-

ков.¹³ Антропоцен, как достаточно широкое понятие,¹⁴ охватывает разные аспекты политики в отношении окружающей среды.

В настоящей статье мы анализируем плакаты как раз в качестве медиума «воображаемого антропоцена». Мы полагаем, что, рассматривая плакаты в динамике, мы можем говорить о том, что постепенно, к моменту перестройки и распада Советского Союза природа все более наделялась агентностью. Авторы плакатов все больше доверяли выступать от лица окружающей среды ей самой. Связано это с причинами, лежащими вне данного медиума — с кризисом доверия к государственным институтам и в том числе к научным, как зависимым от них. Другой вероятной причиной являлся и крайне важный для времен перестройки рост внимания к экологической тематике — и в развитии большого числа независимых «зеленых» движений, как показывает Д. Вейнер, и к проникновению этой темы в СМИ, в том числе и в агитационное искусство плакатов. Развитие образа независимой природы в плакатах было, если следовать тезису Б. Латура, как раз свидетельством необходимости установления иных принципов «политики природы», хотя отражение этой необходимости (не осознаваемое таковым его авторами) началось со сферы «надстройки» и с области репрезентации.

Репрезентация «борьбы с отдельными недостатками» в природоохранных плакатах

Плакат был важнейшим из таких средств репрезентации идеологии в СССР, затрагивая самый широкий спектр тем — от распространения культов вождей¹⁵ до борьбы с пьянством и аморальным поведением. Необходимо отметить, что создание и тиражирование плакатов было частью системы агитации и пропаганды, и художники, хотя и отвечали за визуальную концепцию, не были инициаторами сути послания, заложенного в плакат. Как пишет А. Есимова, в плакатах, созданных до 1950-х гг., практически полностью отсутствует экологическая

¹⁰ См.: Mazanik A. Environmental Change and the Soviet Media before 1986 // *Climate Change Discourse in Russia: Past and Present*. London; New York, 2019. P. 32–49.

¹¹ См.: Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

¹² См.: Gololobov E. I. The North of Western Siberia in the Socio-economic Space of the USSR: Shifting Models of Nature Use // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2021. Vol. 48, iss. 3. P. 262–288.

¹³ См.: Bugaev R., Piskunov M., Rakov T. Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The “Forest City” of Novosibirsk’s Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2021. Vol. 48, iss. 3. P. 289–313.

¹⁴ Последние дискуссии о термине «антропоцен», его критике с различных позиций суммирует в своей статье Энди Бруно, см.: Bruno A. Studying the Siberian Anthropocene: An Introduction // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2021. Vol. 48, iss. 3. P. 257–261.

¹⁵ См.: Bonnell V. *Iconography of Power: Soviet Political Posters Under Lenin and Stalin*. Berkley, 1999.

тематика. Этот период ознаменовался интенсивным развитием тяжелой и обрабатывающей промышленности. Советская экономика в начале 1940-х гг. была нацелена на победу в войне, а после войны — на восстановление.¹⁶ Если обратиться к плакатам позднего сталинского периода, то окружающую среду там можно увидеть прежде всего как объект приложения человеческих усилий. Возможно, самым известным примером этого является работа В. Говоркова «И засуху победим» (1949), на которой изображен И. В. Сталин над картой размещения государственных защитных лесных полос и полезащитных насаждений. Плакат отражает принятие в 1948 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР», более известный как «Великий Сталинский план преобразования природы». Сталинский взгляд на окружающую среду не предусматривал модель сохранения ее в неприкосновенности, наоборот, лучшей «защитой» было «нападение», то есть необходимо было преобразовывать природу для ее улучшения. Советский человек, как хозяин своей необъятной родины, должен был быть «садовником», который следит и ухаживает за флорой и фауной, а в роли «сада» выступала вся территория Советского Союза.

Смерть И. В. Сталина ознаменовала начало нового этапа в советской истории, который обозначается зонтичным термином «поздне-советское». Как отмечает А. Юрчак, главным отличием позднего СССР было размытие авторитетного дискурса и постепенный перформативный сдвиг.¹⁷ Своеобразная «оттепель» происходит и в отношениях между обществом и окружающей средой, идея покорения природы постепенно сменяется более мягкой идеей приспособления. Вероятно, такой поворот был связан с несколькими параллельными процессами в обществе Советское государство начало освоение новых территорий, прежде недостаточно затронутых индустриальным хозяйством — целинных земель Казахстана и таежной Сибири. Для развития данных территорий требовалась значительная мобилизация трудовых ресур-

сов, но уже не принудительная, а добровольная, а успешность этой второй индустриализации связывается с развитием науки и усилением ее роли, которая в том числе выражается и в дискурсе о бережном отношении к природным ресурсам. В плане репрезентации своего рода переходным является плакат 1959 г. «Откроем кладовые природы!»¹⁸ В. Фомичева, на котором рабочий посреди сибирской тайги открывает сундук, в котором виднеются ГЭС и промышленные предприятия. Надпись на плакате гласит: «Мощные реки — крупнейшие в мире, / уголь, алмазы, металлы, леса, — / вот кладовая богатой Сибири, / Мы открываем ее чудеса. / Руслу изменит плотина-преграда, нефть на заводы пойдет, крупную долю сибирского клада / за семилетку освоит народ!» Как нам кажется, риторика освоения предполагает более комплексные взаимоотношения с природой, чем покорения: советские люди должны были теперь освоить природные ресурсы, но не покорить саму природу. Косвенным подтверждением этого тезиса является и тот факт, что уже в 1958 г. научная общественность начинает высказывать обеспокоенность по поводу сохранения озера Байкал и протестует против строительства на его берегах целлюлозно-бумажного комбината. Необходимость получения ценного ресурса не была теперь более значимой, чем сохранность природного объекта.¹⁹

Не только внутренняя логика развития стимулировала появление более природоохранного дискурса, но и кооперация на международной арене вела к пересмотру отношения к окружающей среде. Ключевым событием стало проведение в Стокгольме в 1972 г. конференции ООН по вопросам окружающей среды, на которой была принята декларация, предполагающая развитие природоохранных мер во всех странах мира. Важно, что СССР стремился использовать это мероприятие и для укрепления своих международных позиций, и как площадку для представления своего взгляда на политику в сфере окружающей среды. Руководство стран социалистического блока хотело использовать экологическую тематику в идеологических целях. Развитие системы

¹⁶ См.: Есимова А. Б. Экологическая тематика в советских плакатах // Мир Большого Алтая. 2019. Т. 5, № 4. С. 652.

¹⁷ См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

¹⁸ См.: Фомичев В. И. Откроем кладовые природы! URL: <https://www.digitalsovietart.com/thematic-shows/85-mining-and-miners-in-the-soviet-union/14238-let-us-open-natures-treasures> (дата обращения: 07.10.2021).

¹⁹ См.: Kochetkova E. Baikal Waters: Industrial Development and Institutional Debates, 1950s–1970s // Place and Nature: Essays in Russian Environmental History. Winwick, 2021. Ch. 13. P. 292–312.

социализма увязывалось в том числе с решением проблемы охраны окружающей среды. Основой такого подхода является «Программа мира», принятая на XXIV съезде КПСС в 1971 г. В ней предлагалось прекратить гонку вооружений между странами, «погасить» очаги военных конфликтов в различных частях планеты и наладить сотрудничество с капиталистическими странами, в том числе в деле сохранения природной среды.²⁰ Естественно, в этом процессе Советский Союз должен был играть лидирующую роль, именно он должен был задавать курс на охрану окружающей среды, продуцировать своего рода социализм с «экологическим» лицом.

Таким образом, экологическая и природоохранная тематика усиливает свое значение как внутри СССР, так и за ее пределами, что, в свою очередь, требует производства идеологических текстов, в том числе и креолизованных. Как и во многих других случаях, в рамках официального дискурса разрешалось говорить об отдельных недостатках во взаимоотношениях человека и природы, но нельзя было ставить под сомнение саму систему социалистического природопользования. К таким отдельным недостаткам прежде всего относилось «некультурное» поведение человека за пределами города. Два самых частых сюжета, как в плакатах, так и в сатирических материалах («Крокдил» и «Фитиль»), — это браконьерство и люди, оставляющие за собой мусор. В качестве примера первого явления можно привести работу А. Елагина «Закон»²¹ (1961) на ней изображен мужчина с полной сумкой дичи и топор, которым он собирался рубить березу, — но ему помешал «Закон об охране природы», который, как небесная кара, падает на него сверху. Внизу плаката надпись: «Народ единодушно принял меры / пусть навсегда исчезнут браконьеры». Можно обратить внимание на несколько деталей этого плаката. Первый и самый очевидный аспект — браконьерство рассматривается как частный случай расхищения народного имущества. Проблема воровства, хищений и несунув остро стояла в позднем СССР, и неслучайно значительное количество карикатур, книг и фильмов было посвящено этой проблематике. Браконьер совершал двой-

ное преступление: он вредил природе и ставил свои личные интересы выше общественных, присваивая народное добро. Во-вторых, можно отметить частое использование березы как символа русской природы. То есть браконьерство в сибирской тайге не представлялось такой явной угрозой — прежде всего речь шла о нарушителях в центральной полосе. И третий момент — гендер браконьера, это всегда мужчина средних лет. Знакомство с многочисленными плакатами против браконьерства показывает, что женщины не появляются в них в качестве действующих лиц.

Другой вид плакатов, рефлексиирующих «отдельные недостатки» советского общества, — плакаты против загрязнения природы. Примерами таких работ являются, во-первых, плакат М. Мануилова «След дикаря»²² (1970), на котором турист оставляет следы в виде окурков, консервных банок, разоренных гнезд; во-вторых, работа В. Травина «Видать, культурные люди отдыхали»²³ (1956), где дедушка и внучка обнаруживают поляну с пустыми бутылками из-под водки, скелетами рыбы и обрывками газет «Советская культура» и «Литературная газета». Рост числа таких плакатов может быть связан с тем, что начиная с 1950-х гг. и в мире, и в СССР происходит «туристическая революция» и отдых становится важным элементом обычной жизни. Престижность туризма является частью общества потребления и в его советском варианте, увеличение мобильности граждан за счет доступности личного транспорта приводило к нагрузке на природу. Эту проблему отразил и журнал «Фитиль» в сюжете «Преобразователи природы»²⁴ (1963), где семья приезжает на машине на природу, портит деревья, загрязняет реку и потом уезжает, оставляя за собой мусор после пикника.

Несмотря на негативный образ на плакатах браконьеров и загрязнителей, они воспроизводят стандартную логику активного воздействия человека на окружающую среду, в которой последняя выступает исключительно как объект.

²² См.: Мануилов М. След дикаря. URL: <https://darwin.museum-online.moscow/entity/OBJECT/51428?index=4&paginator=entity-set&entityType=EXHIBITION&entityId=1154747&attribution=objects> (дата обращения: 07.10.2021).

²³ См.: Травин В. Видать, культурные люди отдыхали. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/la0000060/details> (дата обращения: 07.10.2021).

²⁴ См.: Преобразователи природы. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wbXy85Bv_jQ&list=PL_nmAq3XyMyJV1fzCCoJLIXyB24XX4fFI&index=7 (дата обращения: 07.10.2021).

²⁰ См.: XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчет. М., 1971. Т. 1. С. 53, 54.

²¹ См.: Елагин А. Закон. URL: <https://tramvaiiskusstv.ru/plakat/spisok-khudozhnikov/item/47-elagin-aleksandrivanovich-1914-1962.html> (дата обращения: 07.10.2021).

Постепенно становится заметно, что тематика плаката меняется, и на смену борьбы с отдельными недостатками и деятельностью единичных субъектов приходит критика более глобальных явлений. Плакат начинает показывать негативное воздействие на природу предприятий в целом. Это можно увидеть на плакатах Г. Солонина и Е. Чикана «Не загрязняйте водоемы!»,²⁵ Г. Лойко «Не загрязняйте водоемы»,²⁶ А. Шкрабо «Чистый воздух — это здоровье, жизнь».²⁷ Плакаты очень похожи: изображают промышленные предприятия, которые своими выбросами отравляют воду и воздух, и это показывается не как ошибка руководства отдельного завода, а именно как системная проблема. Особенно очевидно это подано в подписи на плакате Александра Шкрабо: «Чистый воздух — это здоровье, жизнь. Не забывай об этом выполняя производственный план!» То есть теперь следовало думать не только об экономических успехах, но и о том, какой ценой они достигаются. Это существенным образом контрастирует с моделью раннесоветского плаката, в которой дым заводских труб был символом прогресса и успеха. В некоторых плакатах можно заметить своего рода переход к агентности, когда не-люди начинают сами выступать с требованием защиты. Таков плакат авторства В. И. Кюннапа «Ерш в масле»: на нем рыбы, страдающие от промышленного загрязнения водоема, требуют его очистки, причем буквально — рыба на нем говорит: «Воды!»²⁸ Нельзя сказать, что подобные плакаты доминировали в советском пропагандистском искусстве, но очевидно, что появление подобных решений, которых не было в более ранние периоды, отражает общее изменение как в обществе, так и в официальной идеологии.

Агентность природы в советском плакате

Отдельно мы бы хотели обратить внимание на то, что постепенно в советском плакате появляется тематика природы как активного участника природоохранного процесса. Природа берет инициативу в «лапы» и сама начи-

нает себя защищать. Такие плакаты должны были сформировать у зрителя определенную форму стыда, поскольку они показывали, что растения и животные, являясь братьями нашими меньшими, вынуждены делать то, чего не делают люди. Схожий принцип используется, когда на плакатах, например, по антиалкогольной тематике, изображается ребенок, который оказывается более сознательным, чем взрослый. К подобным плакатам относятся работы В. Говоркова «Браконьер — враг природы»,²⁹ где лось своими рогами вешает браконьера на березовый сук, пойманная браконьером щука кусает его за штаны, а птица на ветке явственно ругается на браконьера; плакат И. Семенова «Браконьера поймали»,³⁰ где зайцы, белки и птицы поймали браконьера и ведут его связанного (строго говоря, это не совсем плакат, а открытка, но тематически совпадает); «Не оскверняй природу!»³¹ (к сожалению, не удалось установить авторство), где береза розгами сечет человека, оставившего мусор на поляне. Проблемы, отраженные на этих плакатах, стандартные — браконьерство и мусор, но побеждает их сама природа, а даже не абстрактный закон. Таким образом, в визуальной репрезентации флора и фауна наделяются вообразимой агентностью, которая позволяет природе действовать наравне с человеком.

На общем фоне природоохранных плакатов таких природносубъектных сюжетов не так уж много, но к ним можно добавить еще несколько медиа, которые показывают, что это не случайность, а определенный смысловой поворот, нашедший отражение в различных источниках. Например, в повести Э. Успенского «Отпуск крокодила Гены» крокодил и Чебурашка, отправляясь за город, обнаруживают, что предприятие загрязняет реку чернилами, и приходят к руководству фабрики, пытаясь узнать, почему фабрика загрязняет реку краской. Между крокодилом Генной, Чебурашкой и директором фабрики происходит примечательный диалог:

«— Вы, как я понимаю, общественность.

— Общественность, — согласился синий Чебурашка.

²⁵ См.: Солонин Г., Чикан Е. Не загрязняйте водоемы! URL: <https://egorovs.art/auction8/lot393> (дата обращения: 07.10.2021).

²⁶ См.: Лойко Г. Не загрязняйте водоемы! URL: https://grodno.greenbelarus.info/files/styles/800px/public/field/image/1963_loyka_g._v.jpg?itok=c6293uzR (дата обращения: 07.10.2021).

²⁷ См.: Шкрабо А. Чистый воздух — здоровье, жизнь. URL: <https://www.pulsive.com/upload/medialibrary/208/музей%202.jpg> (дата обращения: 07.10.2021).

²⁸ См.: Кюннап В. И. Ерш в масле. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/1a000063/details> (дата обращения: 07.10.2021).

²⁹ См.: Говорков В. Браконьер — враг природы. URL: <http://artposter.kiev.ua/wp-content/uploads/2015/12/48-jpg> (дата обращения: 07.10.2021).

³⁰ См.: Семенов И. Браконьера поймали. URL: <https://troitsa1.livejournal.com/299251.html> (дата обращения: 07.10.2021).

³¹ См.: Не оскверняй природу! URL: https://cs8.pikabu.ru/post_img/2017/05/02/7/1493721091167035390.jpg (дата обращения: 07.10.2021).

— О природе думаете.

— О природе, — согласился Гена.

— Все сегодня о природе думают, — сказал начальник, — а кто будет о людях думать?»³²

Крокодил Гена и Чебурашка, которые не являются людьми, живут и активно действуют в человеческом обществе. И именно крокодил, подобно героям войны, закрывает своим телом трубу, из которой вытекает вещество, отравляющее реку. Еще одним примером субъектности природы является цикл радиоспектаклей, а затем книг и мультфильмов про Комитет охраны авторских прав природы (КОАПП). Среди постоянных его участников: кашалот, птица-секретарь, сова, гепард, рак, стрекоза, мартышка, удильщик. Экологическая тематика в КОАПП была неосновной, но важно, что животные там показывались носителями прогрессивных характеристик. В этих образах возможно увидеть параллели с ноосферой Вернадского или латуровскими принципами. Если посмотреть на плакат Ю. Леонова «У меня есть свое мнение, но я с ним не согласен...»,³³ на котором рыба превращается в голосующую руку, то это можно воспринять как прямое отражение «парламента вещей». Но, к сожалению, посыл плаката обратный, и не рыба наделяется функцией депутатов, а депутаты наделяются характеристиками рыб.

Анализируя советские плакаты в динамике, можно выделить три группы: 1) изображающие природу как объект приложения усилий человека; 2) рассматривающие природу как объект, нуждающийся в защите от отдельных вредителей; 3) представляющие природу как ценность и субъект. Такое изменение происходило не само по себе, а было отражением эволюции восприятия экологии в советском обществе. На фоне роста уровня жизни, стабилизации общественных отношений и общемировых трендов окружающая среда начинает приобретать все большее и большее значение.

Уже с 1960-х гг. можно увидеть рост внимания к вопросам окружающей среды, при этом плакаты и другие медиа, производимые в рамках официального дискурса и нацеленные на широкую аудиторию, позволяют скорректировать сложившееся в историографии представ-

ление, что экологические проблемы в СССР долгое время волновали узкую группу научной элиты.³⁴ Таким образом, происходило конструирование нескольких моделей взаимоотношений общества и окружающей среды. Воображаемый антропоцен, как он конструировался в советскую эпоху, может быть разделен на несколько типов. На одном полюсе находился антропоцен капиталистический (капиталоцен), который вел всю планету к неминуемой экологической катастрофе, на другом полюсе находился антропоцен социалистический (социалоцен), который, наоборот, сулил экологическое процветание. А между ними находился антропоцен отдельных недостатков, и именно против него и был направлен советский плакат. В рамках советской системы различные властные институты искали возможность выработать язык обсуждения вопросов экологии на базе марксистско-ленинских принципов. Если А. Юрчак, размышляя о советском идеологическом языке, фиксирует его стагнацию, которая выразилась в том числе в «перформативном сдвиге»,³⁵ то анализ советского знания об окружающей среде показывает нам обратные тенденции, и мы можем отметить, что если в сталинскую эпоху отношения человека и природы описывались достаточно статично, то после 1950-х гг. начинаются активные поиски новой визуальности. Эти поиски поддерживаются как самими авторами, так и официальными институтами и различными группами внутри общества. Одним из результатов этих поисков является конструирование представления об агентности природы. Конечно, законченного представления о природе как о равнозначном субъекте, как потом его сформулирует Б. Латур, в СССР не сложилось, но тенденция в этом направлении прослеживается.

Определенную роль в этом тренде сыграли и негативные факторы, в том числе аварии и катастрофы, в первую очередь трагедия, связанная с Чернобыльской АЭС. Но распад СССР и социально-экономическая катастрофа 1990-х гг. прервали эту тенденцию, поскольку значительная часть населения оказалась в условиях выживания, а новая прослойка олигархии была озабочена желанием быстрого обогащения, в том числе за счет хищнического ограбления природы. Несмотря на то что в 1990-е гг. в России появились экологические

³² Успенский Э. Отпуск крокодила Гены // Общее собрание героев повестей, рассказов, стихотворений, пьес. СПб., 1993. Т. 4. С. 158.

³³ См.: Леонов Ю. У меня есть свое мнение, но я с ним не согласен... URL: <https://vintageposters.ru/u-menya-est-svoe-mnenie-po-ya-s-nim-ne-soglasen-sssr-1988/> (дата обращения: 07.10.2021).

³⁴ См.: Weiner D. R. A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkley, 1999.

³⁵ См.: Юрчак А. Указ. соч.

общественные движения и даже была попытка создать экологические политические партии (Экологическая партия России «КЕДР», затем Российская экологическая партия «Зеленые»), вопросы взаимодействия окружающей среды и человека оказываются на периферии обще-

ственного внимания. Таким образом, тенденция восприятия природы в качестве полноценного актора, как часть конструирования позитивной модели антропоцена, была прервана с распадом СССР, и в современных условиях приходится заново проходить этот путь.

Timofey N. Rakov

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: t.n.rakov@utmn.ru

Alexander A. Fokin

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: a.a.fokin@utmn.ru

“EVERYBODY IS THINKING ABOUT NATURE TODAY”: THE SEARCH FOR AGENCY IN LATE SOVIET ENVIRONMENTAL POSTERS

The article analyzes late Soviet posters related to environmental issues and places them in the context of environmental history in the Soviet era. Analyzing the Soviet posters, we can distinguish three distinct stages: 1) nature as an object of human effort; 2) nature as an object in need of protection from individual pests; and 3) nature as a value and subject. This change did not occur by itself but reflected an evolution of the perception of ecology in Soviet society. A close examination of the dynamics of posters reveals that nature was gradually but increasingly endowed with its own agency, maximizing this quality by the time of Perestroika and the collapse of the Soviet Union. Poster authors increasingly allowed the environment to act on behalf of itself. This shift was the result of factors beyond that medium — a crisis of trust in state institutions and in the science that depended on them. In keeping with B. Latour’s thesis, the development of an independent nature image in posters testified to the need for establishing different principles of “politics of nature”, although this need (not perceived as such by its authors) began to be reflected in the “superstructure” and in the sphere of the environment’s representation. The growing importance of ecology, both in the USSR and internationally, called for new answers to global questions. Within the Soviet system, therefore, various power structures sought to develop a language for discussing ecology issues based on Marxist-Leninist principles.

Keywords: *nature, anthropocene, USSR, poster, media, environmental policy*

REFERENCES

- Bonnell V.** *Iconography of Power: Soviet Political Posters Under Lenin and Stalin*. Berkley: University of California Press, 1999. (in English).
- Brain S.** *Song of the forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. (in English).
- Breyfogle N. B.** At the Watershed: 1958 and the Beginnings of Lake Baikal Environmentalism. *The Slavonic and East European Review*, 2015, vol. 93, no. 1, pp. 147–180. DOI: 10.5699/slaveastorev2.93.1.0147 (in English).
- Bruno A.** Studying the Siberian Anthropocene: An Introduction. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2021, vol. 48, iss. 3, pp. 257–261. DOI: 10.30965/18763324-bja10044 (in English).
- Bugaev R., Piskunov M., Rakov T.** Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The “Forest City” of Novosibirsk’s Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2021, vol. 48, iss. 3, pp. 289–313. DOI: 10.30965/18763324-bja10043 (in English).
- Coumel L.** A Failed Environmental Turn? Khrushchev’s Thaw and Nature Protection in Soviet Russia. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2013, vol. 40, iss. 2, pp. 167–189. DOI: 10.1163/18763324-04002002 (in English).
- Dronin N. M., Francis J. M.** Econationalism in Soviet literature. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2018, vol. 45, iss. 1, pp. 51–72. DOI: 10.1163/18763324-20171260 (in English).

- Fitzpatrick S. *Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. (in Russ.).
- Gololobov E. I. The North of Western Siberia in the Socioeconomic Space of the USSR: Shifting Models of Nature Use. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2021, vol. 48, iss. 3, pp. 262–288. DOI: 10.30965/18763324-bja10042 (in English).
- Kharkhordin O. V. *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti* [Reveal and dissimulate: a genealogy of Russian personality]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2016. (in Russ.).
- Kochetkova E. Baikal Waters: Industrial Development and Institutional Debates, 1950s–1970s. *Place and Nature: Essays in Russian Environmental History*. Winwick: White Horse Press, 2021, ch. 13, pp. 292–312. (in English).
- Kovda V. A. *Velikiy plan preobrazovaniya prirody* [The great plan for the transformation of nature]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1952. (in Russ.).
- Latour B. *Politiki prirody: kak privit naukam demokratiyu* [Politics of nature: how to bring the sciences into democracy]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2018. (in Russ.).
- Mazanik A. Environmental Change and the Soviet Media before 1986. *Climate Change Discourse in Russia: Past and Present*. London; New York: Routledge, 2019, pp. 32–49. (in English).
- Weiner D. R. *A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1999. (in English).
- Weiner D. *Models of nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia*. Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 2000. (in English).
- Wolfe T. *Governing Soviet Journalism: The Press and the Socialist Person after Stalin*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2005. (in English).
- Yessimova A. B. [Environmental themes in soviet posters]. *Mir Bol'shogo Altaya* [The world of the Great Altai], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 648–660. DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-4-648-660 (in Russ.).
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye* [Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014. (in Russ.).

Для цитирования: Раков Т. Н., Фокин А. А. «Все сегодня о природе думают»: поиски агентности в позднесоветском экологическом плакате // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-106-114.

For citation: Rakov T. N., Fokin A. A. “Everybody is thinking about nature today”: the search for agency in late Soviet environmental posters // Ural Historical Journal, 2022, no. 2 (75), pp. 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-106-114.